

Чингиз Айтматов:

“ЖИЗНЬ НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ”

— Хотя, наверное, утверждение это не совсем точное, — говорит чрезвычайный и полномочный посол в Люксембурге, народный депутат СССР, писатель Чингиз Айтматов. — Одна эпоха умерла, вторая рождается в муках. К сожалению, бывшая эпоха умерла не для всех — многие соотечественники наши живут и еще долго жить будут в дне вчерашнем.

— *Весть о перевороте застала вас далеко от дома...*

— И воспринял я события печальные с тревогой и ожиданием. То, что лично я категорически не принял переворот, — это ясно. Но вот спустя время, признаюсь, было у меня сомнение: как воспримет народ популистские лозунги хунты. Мы ведь плохо живем, живем за гранью понятий “средняя” или даже “тяжелая” жизнь. А вдруг, думалось, люди клюнут на слова организаторов путча, чтобы иметь новую надежду... Как же мы порой недооцениваем свой народ. Это серьезная тема для осмысления историками, писателями. Думаю, что мы станем свидетелями ярких художественных произведений, которые будут исходить не из прежних надуманных ситуаций, а из того, что действительно было в жизни, в реальности.

— *Одна из реальностей — нынешний съезд.*

— Более того, осязаемая реальность. Все республики, даже те, которые вчера еще не помышляли об этом, вынуждены будут заявить о своей независимости. Иначе они будут выглядеть белыми воронами в стае. И это не тема для сожалений, надо браться за дело, налаживать новые неизвестные пока структуры. Я, например, хочу внести новое понятие — конфедеративная конституция. Многие отрицают общую конституцию, считая, что вполне достаточно республиканской. Мое мнение: должна быть и общая, которая сможет объединять, связывать, помогать взаимодействию. Уверен также, что нам необходимо двойное гражданство — республиканское и конфедеративное. И общий парламент...

— *Наподобие Европарламента?*

— Мне ближе американский вариант — конгресс, сенат...

— *Странно, но я разговариваю с вами не как с писателем, как с дипломатом. Вообще, ваш переход в МИД удивил. Мне лично показалось, что вы воспользовались возможностью пожить в чужой судьбе...*

— По ощущению — да. Жизнь дипломата, наверное, не совсем моя. Но интересно очень и полезно писателю. Разумеется, были сомнения, потребовалось время для адаптации. Я, кстати, обнаружил приятное — у меня и в Европе есть читатель. У них более стабильная, более спокойная жизнь, и они думают о литературе, говорят о ней, просто читают. У нас обстановка иная. Напишите вы гениальнейший роман, и его могут даже не заметить. Европа сегодня не только эпицентр технологий, но и культурных достижений. Это надо признать, не боясь выглядеть плохим патриотом.

— *Как у вас складываются отношения в Люксембурге?*

— Вполне нормально. Сложилась отношения с премьер-министром, с министром иностранных дел... Все они с большой заинтересованностью следят за нашей демократизацией. Но я заметил: меня рассматривают прежде всего как писателя, а уж затем как дипломата.

— *Это обидно?*

— Отнюдь. Не навеки же вечные я дипломат. Все вернется на круги своя. Правда, я не тороплюсь. Посмотрите, что пишется сейчас? Появились ли в литературе новые имена, заметные произведения? Только публицистика. Боятся писатели, себя боятся. Даже вот эти три дня... Это же гигантский материал, он позволяет создать роман или пьесу на уровне Шекспира. Ведь все были, пусть в разной мере, участниками событий. А вот попробуйте написать об этом так, чтобы всех захватило.

— *А вы сейчас пишете?*

— Период адаптации прошел, сел за письменный стол. Но говорить об этом преждевременно.

— *Последний вопрос: как вы, писатель, дипломат, депутат, смотрите на будущее страны?*

— С оптимизмом. Народ поддержал демократию.

Владимир НАЗАРОВ.